

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 88–97
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 88–97
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-88-97>, EDN: SJQEMK

Научная статья
УДК 327(470+571+73+5-15)

Восточное Средиземноморье и сирийский вопрос во внешнеполитических приоритетах России и США

Р. Ш. Мамедов

Институт востоковедения РАН, Россия, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Мамедов Руслан Шакирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, rshmamedov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9783-5500>, AuthorID: 921912

Аннотация. Исследовательский интерес к Восточному Средиземноморью сохраняется у российских и зарубежных специалистов как ввиду энергетического потенциала региона, так и нерешенных вопросов безопасности. В данной статье рассматривается роль глобальных держав – России и США – в районе Восточного Средиземноморья с точки зрения теории комплекса региональной безопасности. Предпринята попытка определить интересы и приоритеты Москвы и Вашингтона на базе анализа доктринальных установок обоих государств в выделяемом субкомплексе. Анализируются подходы двух стран к сирийскому вопросу. Показана подчиненность «сирийского портфеля» политике России и США по другим вопросам, как и эволюция курса глобальных держав к этому ключевому для мировой политики кризису. Несмотря на стратегическое стремление стабилизации региона и выхода из региональных конфликтов, Россия и США сохраняют интересы, которые будут требовать их, пусть и ограниченного, присутствия. Обозначено влияние государств других субкомплексов региональной безопасности Ближнего Востока, в первую очередь, Персидского залива, на Левант и – шире – мезорайон Восточного Средиземноморья, как и в целом растущее значение региональных держав.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, комплекс региональной безопасности, Россия, США, сирийский кризис, региональные и глобальные державы

Для цитирования: Мамедов Р. Ш. Восточное Средиземноморье и сирийский вопрос во внешнеполитических приоритетах России и США // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 88–97. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-88-97>, EDN: SJQEMK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Eastern Mediterranean and the Syrian issue in the foreign policy priorities of Russia and the United States

R. Sh. Mamedov

Institute of Oriental Studies RAS, 12 Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russia

Ruslan Sh. Mamedov, rshmamedov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9783-5500>, AuthorID: 921912

Abstract. Russian and foreign specialists continue to maintain their research interest in the Eastern Mediterranean, both in view of the energy potential of the region as well as unresolved security issues. This article considers the role of global powers – Russia and the United States – in the Eastern Mediterranean from the point of view of the theory of the regional security complex. An attempt was made to determine the interests and priorities of Moscow and Washington on the basis of an analysis of the doctrinal approaches of both states in the identified subcomplex. Approaches of the two states to the Syrian issue were analyzed as well. The subordination of the “Syrian portfolio” to other policy issues of Russia and the United States is shown, as well as global powers’ policy evolution towards this key crisis for world politics. Despite the strategic desire to stabilize the region and exit from regional conflicts, Russia and the United States retain interests that will require their presence, albeit limited. The article indicates the influence of the states of other sub-complexes of the Middle East regional security, primarily the Persian Gulf, on the Levant and, more broadly, the mesoregion of the Eastern Mediterranean, as well as the growing weight of regional powers in general.

Keywords: Eastern Mediterranean, regional security complex, Russia, USA, Syrian crisis, regional and global powers

For citation: Mamedov R. Sh. Eastern Mediterranean and the Syrian issue in the foreign policy priorities of Russia and the United States. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 88–97 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-88-97>, EDN: SJQEMK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Восточное Средиземноморье не зря считается одним из потенциально наиболее опасных регионов мира [1, с. 104]. Регион обладает стратегическим значением как с точки зрения безопасности, так и с точки зрения экономики. Будучи логистически значимым центром, через который проходят важные торгово-экономические пути, для ряда крупных региональных и внерегиональных держав регион имеет кластер нерешенных проблем безопасности, в том числе территориальных. Представляется актуальным исследование эволюции подходов России и США к Восточному Средиземноморью, а также роли и влияния сирийского конфликта на безопасность в регионе.

Находясь в рамках теории комплекса региональной безопасности (ТКРБ) Б. Бузана и О. Вэвера [2, р. 6], можно отметить, что комплекс безопасности субрегиона Леванта имеет конфликтный потенциал и в нем практически отсутствует режим безопасности (такое мнение можно найти также в исследованиях о пограничном и пересекающемся с этим субрегионом Северо-Восточной Африки [3, с. 80]). Из трех вариантов комплекса региональной безопасности (КРБ) по Б. Бузану и О. Вэверу – стандартный КРБ, система коллективной безопасности и сообщества безопасности – левантийский регион как подкомплекс [4, с. 7] безопасности Ближнего Востока определенно представляет собой стандартный КРБ [5, р. 17]. В контексте ТКРБ именно географическая близость определяет приоритет регионального уровня над глобальным, поскольку в вопросах безопасности дистанция имеет значение. В этом плане глобальный уровень, представленный сверхдержавами, может проникать (penetrate) в региональный, но делает это в рамках уже существующих паттернов региональных отношений (моделей «дружбы-вражды») внутри КРБ.

По Б. Бузану и О. Вэверу Ближний Восток состоит из трех субрегионов – Магриба, Леванта и Залива. Тем не менее можно поднять вопрос не только о субрегионах, но и положении мезорайонов в рамках более крупных региональных образований. Восточное Средиземноморье, по мнению автора данной работы, представляет собой мезорайон, ставший актуальным в эпоху региональных трансформаций мегарайона. Сама эта региональная трансформация возможна, поскольку «мегарайон (как, например, Ближний Восток. – Р. М.) уже не генерирует центростремительные импульсы, необходимые для поддержания целостности системы своей территории», что также совпадает «...с влиянием внешних факторов» [6, с. 30]. В этом плане субрегион Леванта ввиду экономического, политического, географического и иных факторов все более включается в мезорайон Восточного Средиземноморья. Такой взгляд на проблему предполагает исследование комплекса безопасности Леванта

(как и Ближнего Востока) через призму мезорайона Восточного Средиземноморья ввиду современных реалий международной повестки дня. Как было упомянуто, в мегарайоне Ближнего Востока центростремительные силы уступают центростремительным, отчего возникают брожение и усиление значимости мезорайонов (чьи границы не всегда удается определить, но в этом и вся суть – обозначается процесс, а не конкретные границы). Мезорайон Восточного Средиземноморья включает в себя Левант – один из субрегионов КРБ Ближнего Востока – но и простирается за его пределы. Именно в этом контексте пересечения пространств и вписанности в мегарайон как процесса постоянных изменений автор определяет Восточное Средиземноморье.

Несмотря на то, что теория КРБ предполагает примат региональной динамики над действиями глобальной силы, перед ней встает уточняющий методологический момент. Б. Бузан и О. Вэвер убеждают в том, что глобальная сила – сверхдержава в лице США и другие великие державы (1+4) – в целом не могут изменить региональные паттерны. На примере рассматриваемого региона стоит отметить, что ближневосточный КРБ стал жертвой интереса и одностороннего доминирования США [7, р. 160]. Проникновение сверхдержавы США в регион смогло переиначить модель и паттерны поведения региональных сил, что стало очевидным особенно в результате войны в Заливе и свержения режима С. Хусейна в Ираке в 2003 г. Как отмечается, «ИГИЛ не смогло бы расширяться без распада государственных институтов и углубления межобщинного раскола, который десятилетиями подвергал износу социальную ткань арабских стран Плодородного полумесяца» [8, р. 51]. Такое вмешательство США, пиком которого стало вторжение в Ирак, довершило процесс перехода к новому региональному порядку как в Персидском заливе, так и в Восточном Средиземноморье, где американисты сохраняли свои интересы в укреплении и возвышении Израиля, изоляции Ирака и Ирана, поддержании инфраструктуры НАТО и контроля над морскими путями, важными для мировых энергетических потоков. Тем не менее уже в 2015–2020 гг. наметились ограничители политики США в регионе, как и желание перебалансировать (rebalance) свою внешнюю политику в сторону более приоритетного Азиатско-Тихоокеанского региона; в свою очередь, возросла роль региональных держав, начавших активнее влиять на КРБ Ближнего Востока.

В рамках рассматриваемой теории российский КРБ определяется как геополитическая зона и легитимная сфера влияния, необходимая Москве для ее национальной безопасности [9, р. 198]. Эта зона включает территории современной Российской Федерации, Центральной Азии и Восточной Европы, что означает, что Ближний Восток исторически не формировал

часть российского КРБ. Тем не менее Россия имела постоянные контакты с регионом (ввиду конфронтации с Османской и Персидской империями, затем – поддержка СССР борьбы ряда ближневосточных народов против западного колониализма, как и установления устойчивых отношений между Москвой и ближневосточными столицами в биполярный период) [9, р. 198]. В этом плане Россия как глобальная сила также проникала (penetrate) – особенно с 2015 г. – в регион и заняла место одного из влиятельных игроков в Восточном Средиземноморье, что не должно рассматриваться «неожиданным».

Доктрины, интересы и политика России и США в Восточном Средиземноморье

Российская морская политика в Средиземноморье доктринально стала частью политики Москвы на атлантическом направлении. Предлагавшиеся в середине 1990-х гг. идеи по продвижению концепции «Большого Средиземноморья» – партнерского сотрудничества государств Черноморского и Средиземноморского бассейнов – так и не нашли своего воплощения в деле строительства системы безопасности, создания Совещания по безопасности в Большом Средиземноморье и т. п. В то же время во многом российская политика на атлантическом направлении была сформирована в ответ на деятельность НАТО, строительство Альянсом военной инфраструктуры и его приближение к границам Российской Федерации, а также несовершенство механизмов безопасности в Средиземном и Черном морях. В морской доктрине РФ от 2015 г. (п. 58) среди основных направлений работы на средиземноморском направлении назывались: «а) проведение целенаправленного курса на превращение региона в зону военно-политической стабильности и добрососедства; б) обеспечение достаточного военно-морского присутствия Российской Федерации в регионе на постоянной основе; в) развитие круизного судоходства из портов Крыма и Краснодарского края в страны Средиземноморского бассейна» [10, с. 23].

С началом военной операции России в сентябре 2015 г. на стороне сирийских правительственных сил в Сирии для борьбы с террористическими организациями началось наращивание российской военно-морской группировки в Восточном Средиземноморье. Согласно Указу Президента РФ от 20 июля 2017 г. № 327 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года» среди основных задач военно-морской деятельности прямо называется «обеспечение постоянного военно-морского присутствия Российской Федерации в Средиземном море и других стратегически важных районах Мирового океана, в том числе в районах прохождения основных морских

транспортных коммуникаций» [11, с. 15]. Такое упоминание Средиземного моря в «Основах...» стало логичным закреплением промежуточных итогов российского присутствия в Сирии, где были успешно выполнены ряд ставившихся перед началом военной операции задач. Если говорить о Восточном Средиземноморье в ближневосточном контексте, то, как считают А. В. Крылов и Н. З. Шуминов, «основная цель российской стратегии – повысить статус России и закрепить за ней роль значительной внешней силы в одном из самых нестабильных регионов мира» [12, р. 82]. Для многих это означало «возвращение России в регион», поскольку Москва имела крепкие позиции в Средиземноморье в советский период, позднее минимизировав, однако, свое присутствие после распада СССР (Средиземноморская флотилия была распущена 31 декабря 1992 г.). Напротив, 6-й флот США в 1990-е гг. расширил географию своих действий, включив Гвинейский залив в Средиземное море и прилегающие воды Атлантики [13, с. 111]. В Концепции внешней политики от 2023 г. сирийской тематике уделено место в контексте приоритетного отношения России к «сглаживанию противоречий и нормализации» между «Сирийской Арабской Республикой и ее соседями» [14].

Если говорить о драйверах американской политики, то, во-первых, США заинтересованы в Средиземноморье как в элементе европейской безопасности. Во многом такой подход американцев наиболее востребован рядом европейских союзников США по НАТО, которые видят угрозы своей безопасности с юга (вопросы миграции, терроризма, потенциальных ударов баллистических ракет и т. д.), но при этом (что касается в первую очередь ситуации с разногласиями внутри НАТО) не желают вкладывать свои ресурсы в поддержание собственных сил [15, с. 28]. Стоит упомянуть, что существовавшие до того «большие ожидания, возложенные на евросредиземноморское партнерство, не оправдались. События, произошедшие в арабском мире, вызвали волны революций и гражданских конфликтов, что еще раз продемонстрировало противоречивость той политики, которую проводил ЕС в течение последних десятилетий» [16, с. 105]. Можно дополнить это мнение тем, что средиземноморская политика ЕС входила в противоречие с планами отдельных сил в США, которые стремились не допустить развития эффективных интеграционных процессов между севером и югом Средиземноморья (в противном случае, значение США для политики европейских, как и североафриканских, государств снижалось).

Во-вторых, особое значение Средиземноморья для США заключается в том, что этот район остается путем к другим стратегически и критически важным регионам. Возможность перемещать 6-й флот (оперативный флот американских военно-морских сил, дислоцирующийся

в Средиземном море) через Суэцкий канал, двигать различные материальные и людские ресурсы между Атлантикой и Персидским заливом, а также Индийским океаном сохраняет свою актуальность. В-третьих, США поддерживают свое присутствие в регионе ввиду необходимости предупреждения и преодоления последствий множественности его кризисов и конфликтов [17, р. 7]. Но формирующаяся американская политика в Средиземноморье нашла свое уточнение и по другим вопросам.

В конце 2019 г. в Конгрессе США прошел законопроект «Закон о безопасности и энергетическом партнерстве в Восточном Средиземноморье от 2019 г.» (US Congress S1102 2019–2020 Eastern Mediterranean Security and Energy Partnership Act of 2019), подготовленный представителями Республиканской и Демократической партий Марко Рубио и Бобом Менендесом. Законопроект направлен в основном на поддержку энергетических инициатив Израиля, Кипра и Греции в их стремлении создать новые и альтернативные маршруты поставок газа в Европу. Но что представляется важным в контексте конкуренции и безопасности в Восточном Средиземноморье – это стремление ограничить возможности других внешних сил, в первую очередь, России. Для раскрытия данного момента можно выделить согласно документу одно из положений американской политики (среди прочих): «Поддерживать усилия по противодействию вмешательству и влиянию Российской Федерации в Восточном Средиземноморье посредством расширения сотрудничества в области безопасности с Грецией, Кипром и Израилем, включая обмен разведывательными данными, взаимную осведомленность о ситуациях в киберпространстве и морской сфере» [18, р. 42]. Однако американские сенаторы идут дальше, требуя «полностью реализовать соответствующие положения СААТSA (О противостоянии противникам Америки посредством санкций (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act). – Р. М.) для предотвращения вмешательства Российской Федерации в регион», а также недопущения в регион оружия российского производства (особенно американцев беспокоят поставки систем С-400 в Турцию). Таким образом, сенаторы обозначили в предвыборный период задачи для администрации президента США – вне зависимости от результатов выборов – по комплексной работе в Восточном Средиземноморье, одновременно поставив во главу угла противодействие сотрудничеству России и стран региона, в первую очередь, в сфере энергетики и поставок российских вооружений.

В декабре 2020 г. Министерство обороны США представило новую военно-морскую стратегию «Преимущество на море: превосходство объединенной всесферной морской мощи» (Advantage at Sea; Prevailing with Integrated

All-Domain Naval Power), которая заменила предыдущую «Коллективную стратегию достижения морского могущества в XXI веке» от 2007 г. (A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower) [19, р. 48]. «Коллективная стратегия» от 2007 г. уже содержала отход от агрессивных позиций американцев в начале 2000-х гг. Она стала исторически значимым для США событием, поскольку, по мнению американских специалистов, главы ВМС США, Корпуса морской пехоты и береговой охраны до того не формировали объединенную морскую стратегию, интегрирующую морскую мощь с другими элементами национальной мощи, включая возможности американских «друзей и союзников» [20, р. 8]. Уже к концу 2000-х гг. американцы приняли Оперативную концепцию ВМС, которая констатировала, как отмечает П. Тебин, «невозможность глобального неоспариваемого господства на море, идея которого просуществовала фактически более 15 лет» [21, с. 171]. Тем интереснее, что в стратегию «Преимущество на море» 2020 г. возвращается более жесткая риторика, а также обозначаются конкретные противники, чего не было в предыдущей стратегии. Основными противниками в документе называются модернизирующие свои военно-морские силы Россия и Китай. Причем долгосрочным противником американские военные называют Китай. Документ признает, что конкуренция за ресурсы ведет к напряженности и конфликтам, что актуально в условиях найденных крупных месторождений в Восточном Средиземноморье (субрегион нигде прямо не упоминается в документе). Сирия в морской стратегии США называется только в контексте примера «ревизионистской политики» России: «кампания (России. – Р. М.) по восстановлению стратегической глубины послужила причиной агрессии РФ в Украине и Грузии, а также ее интервенции в Сирии» [22, р. 5].

Американские аналитические центры уделяют особое внимание российским действиям на Черном море и в Восточном Средиземноморье. Согласно предисловию доклада RAND Corporation от 2020 г. «Черноморский регион является плацдармом, а турецкие проливы – воротами для проецирования российской военной мощи в Восточное Средиземноморье и Левант» [23, р. 5]. Однако верно и другое: для США в Восточном Средиземноморье, помимо безопасности Израиля и обозначенных выше драйверов американской политики, принципиальна поддержка инфраструктуры НАТО. Последнее обретает значение ввиду того, что Восточное Средиземноморье может рассматриваться американцами, среди прочего, как ворота НАТО в Черное море. Основная цель Североатлантического альянса в этом случае – поддержать своих черноморских союзников и реализовать стратегию «сдерживания» России [23, р. 12]. Однако даже на этом пути

США сталкиваются с рядом тормозящих факторов. Во-первых, режим проливов и конвенция Монтрё от 1936 г. ограничивают срок присутствия и тоннаж военных кораблей, не входящих в число причерноморских государств. Во-вторых, причерноморские государства-члены НАТО не едины в политике необходимости «сдерживания» России и обладают собственным видением, подходами и амбициями. Так, Турция предпочитает выходить на двусторонние договоренности и понимание с Россией, сохраняя свое значимое положение в регионе (несмотря на попытки Турции ужесточить режим прохода через проливы пока что для гражданских судов [24, с. 43]). В-третьих, в течение последних лет Россия проводит масштабное укрепление своих позиций в Черном море, постоянно наращивая военный потенциал, что сводит к минимуму эффективность планируемых и потенциально принимаемых действий НАТО в регионе.

Россия, США и сирийское урегулирование

Для России выход через проливы Босфор и Дарданеллы в Средиземное море – критически важный морской торговый путь в Мировой океан, где в том числе требуется решение задач по обеспечению безопасности российских интересов. Последнее не должно считаться Москвой или другими столицами чем-то новым: в советские годы в Средиземноморье активно присутствовала 5-я Средиземноморская эскадра (позднее – 5-я оперативная флотилия кораблей). В 2013 г. было сформировано и подчинено Командующему Черноморским флотом Постоянное оперативное соединение ВМФ России на Средиземном море. Ряд вызовов и угроз безопасности, включая разрастание терроризма в сирийско-иракской кризисной зоне (распространение террористической организации «Исламское государство в Ираке и Леванте» (ИГИЛ, запрещена в РФ)), сложная обстановка на Ближнем Востоке требовали ответа России. После официального обращения президента Сирийской Арабской Республики в сентябре 2015 г. Россия начала военную операцию. Отметим, что прямое российское участие в борьбе против терроризма кардинальным образом повлияло на вектор развития сирийского конфликта.

С 2015 г. при поддержке Москвы и своих региональных союзников сирийское правительство одержало ряд значимых военно-политических побед. Этого удалось достигнуть благодаря, с одной стороны, размыванию интересов региональных и глобальных сил вокруг этой войны (они все более тяготели к дистанцированию от этого зашедшего в тупик конфликта); а с другой – умелому сочетанию и применению Москвой военных и дипломатических методов. Такой подход принес ощутимые дивиденды России, чье присутствие оказало решающее влияние

на ход событий, в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а также повлияло на баланс сил в Восточном Средиземноморье.

В российском подходе изначально присутствовала попытка применения глобального компонента к урегулированию конфликта в Сирии – переговоры министров иностранных дел России и США С. В. Лаврова и Дж. Керри соответственно. Успехом в российско-американском взаимодействии по Сирии к тому моменту можно назвать договоренности по вывозу химического оружия из этой страны в 2013 г., а также создание механизма деконфликтации в небе над Сирией. Однако позднее вскрылись проблемы в процессе реализации решений, достигнутых американцами и их региональными союзниками, как и неспособность США добиться размежевания сирийской вооруженной оппозиции и террористических группировок.

Россия перешла от взаимодействия с Вашингтоном к совместной работе с влиятельными региональными державами, что привело к образованию Астанинского переговорного формата (сопредседатели – Россия, Иран, Турция). Он был призван решать технические вопросы примирения враждующих сторон «на земле», поддержать, а не заменить женевские межсирийские переговоры по политическому урегулированию, как на то указывали многие западные эксперты. Как отмечает М. С. Ходынская-Голенищева, «работа с силами «на земле» страховалась контактами со спонсорами тех или иных формирований, которым – в отличие от США – внутривнутриполитическая ситуация позволяла идти на уступки или размены» [25]. Действительно, были созданы и трансформированы временные зоны деэскалации [26]; снизился уровень насилия в стране (чему помогло также взаимодействие и переговоры с племенными структурами [27, с. 50]). Стороны пришли к необходимости создания сирийского конституционного комитета в результате работы Конгресса национального диалога в Сочи. Его итогом стало образование конституционного комитета, который ведет работу в Женеве, однако здесь начались сложности для российской и сирийской дипломатий. Деятельность комитета до сих пор не принесла существенных результатов: параметры новой сирийской конституции не согласованы, правительство и оппозиция далеки от согласия по поводу государственного устройства, будущих выборов, не выполняются положения резолюции Совета безопасности ООН 2254 и т. д. В этой связи к 2023 г. дипломаты снова заговорили о необходимости активизации «Астанинского формата» (который также оказался если не «заморожен», то менее активен, чем в предыдущие годы). 10 мая 2023 г. прошла встреча глав МИД России, Ирана, Турции и Сирии, а позднее 19 мая состоялся 32-й саммит Лиги арабских государств, на который впервые за 12 лет был приглашен президент

Сирии Б. Асад. Конечно, это свидетельствует о стратегии Дамаска получить региональное признание своих соседей, что в том числе является приоритетом для российской внешней политики.

США сохраняют влияние на происходящие в Сирии события. Стоит проследить место «сирийской политики» США в подходах Вашингтона к региону в целом. В 2011 г. после жестких разгонов демонстраций сирийскими службами безопасности и в связи с нарастанием напряженности конфликта администрация президента США Б. Обамы заявила о необходимости оставить президентом Сирии Б. Асадом свой пост ввиду утери, по ее мнению, им легитимности. Кроме того, были введены дополнительные санкции против Сирии [28, с. 18]. Тем не менее американский внешнеполитический истеблишмент при Б. Обаме не желал прямого военного вмешательства США в сирийский конфликт, что объяснялось двумя факторами – отсутствием четко сформулированных американских интересов в Сирии (как следствие, Сирия не стала приоритетом для Вашингтона) и памятью о неудачах совсем недавнего подобного вмешательства в Ираке и Ливии. Поэтому США воспользовались предложением России о вывозе химического оружия из Сирии в 2013 г., что позволило Б. Обаме объявить об активной работе на данном направлении в условиях, когда все жестче звучали призывы региональных партнеров и союзников США. Конфликт выходил за рамки одной страны. Сирийские беженцы направлялись сотнями тысяч в соседние Ливан, Турцию, Иорданию, Ирак. Сирийский конфликт оказал влияние на внутреннюю жизнь ряда стран – американских партнеров и союзников как в регионе Ближнего Востока, так и в Европе.

Многое изменилось в 2014 г. Образование и распространение террористической организации ИГИЛ, переход под ее контроль ряда сирийских и иракских городов, включая Мосул, уже напрямую задевали интересы США. Американцы создали Глобальную коалицию по борьбе с ИГИЛ, куда вошли десятки государств мира. Это вписывалось в американскую политику опоры и взаимодействия с региональными и глобальными союзниками и партнерами при Б. Обаме. Но стоит сразу отметить, что приоритетом для США декларировалась борьба с ИГИЛ, а не вмешательство в сирийский конфликт. Таким образом, особая «сирийская политика» США с прямым американским вмешательством сформирована не была.

Американцы оказывали поддержку группировкам вооруженной сирийской оппозиции и иракскому правительству. Но все более вырисовывались очертания американского подхода к борьбе с ИГИЛ, предполагавшие взаимодействие с курдскими вооруженными формированиями. В то время как стал очевидным

провал попыток США образовать подконтрольные им сирийские оппозиционные группы [29] (саудовцы, катарцы и турки действовали куда более умело в этом вопросе), американцам удалось закрепиться в Сирии за счет курдов. Несмотря на то, что такой подход таил в себе множество рисков, включая ухудшение отношений как с арабами, так и с турками, он принес американцам свои дивиденды. При поддержке США с воздуха и координации на земле курдскими Силам народной самообороны (позднее – Сирийским демократическим силам, инфильтрированным бойцами Рабочей партии Курдистана) удалось подавить группировки ИГИЛ в Сирии (одновременно с этим при участии США успешно развивались боевые действия против ИГИЛ в Ираке). Но самое главное – такой политикой и силами «на земле» американцы укрепили значимость своих позиций в любых будущих глобальных договоренностях по Сирии.

Контролируемая курдами при помощи США территория на северо-востоке страны богата наиболее значимыми залежами нефти (как, например, месторождение «аль-Омар»), основными сельскохозяйственными районами (пшеница и т. д.). Попытки Москвы включить курдов в переговорный процесс политического урегулирования натываются в первую очередь на непримиримую позицию не только самого Дамаска, но и других оппозиционных групп. В этих условиях курды предпочитают оставаться под зонтиком безопасности США. Интересна позиция самого Вашингтона уже при президенте Д. Трампе. Во многом она была подчинена стремлению последнего выходить из конфликтов и, что стало наиболее примечательным, политике «максимального давления» на Иран. Последнее тем не менее было использовано чиновниками американской администрации для того, чтобы оправдать присутствие в Сирии. Когда Д. Трамп объявил о частичном выходе из Сирии, это было встречено критикой в Сенате США. Курды посчитали такое решение «ударом в спину», тогда как турки начали военную операцию, остановленную в том числе самими скорректировавшими линию президента членами администрации. Последующая стратегия американцев, по словам спецпосланника США по Сирии Джеймса Джеффри, исходила из желания устроить «трясину» для России в Сирии (но и, очевидно, для Ирана). США ввели против Сирии новые, утвержденные конгрессом США, так называемые санкции Цезаря (Caesar Syria Civilian Protection Act), которые теперь обрели экстерриториальный характер. Вкупе с банковским кризисом в Ливане это подрывало сирийскую экономику. Кроме того, декларируемым приоритетом сохранялась борьба с ИГИЛ: это позволило Д. Трампу оправдать сохранение части своих сил для «охраны сирийской нефти» от террористов.

Взаимовлияние региональной динамики и внешнего участия в Восточном Средиземноморье как подкомплексе РКБ Ближнего Востока

Само сирийское урегулирование столкнулось с проблемой взаимовлияния региональной динамики и проникновения глобальных игроков. Как отмечает Рут Ганау Сантини, «подкомплекс Персидского залива (один из трех на Ближнем Востоке. – Р. М.) продемонстрировал беспрецедентную способность влиять на динамику безопасности в Леванте (Сирия, Ливан, Египет) и Магрибе (Ливия и в меньшей степени Марокко и Тунис), вовлекая региональных неарабских игроков (Турция) и международные державы (Россия, США и нескольких европейских стран) в региональные опосредованные войны, особенно в Сирии...» [30, р. 103]. В этом плане наблюдалось два параллельных процесса – подчинение сирийского портфеля другим приоритетам Москвы и Вашингтона, а также влияние позиций региональных держав на принятие решений в Москве и Вашингтоне. Так, например, для Вашингтона формулирование подходов к сирийскому урегулированию испытывало зависимость от политики США в отношении Ирана (по СВПД) или борьбы с терроризмом (в первую очередь, в Ираке). С другой стороны, лоббистская деятельность региональных игроков и даже американских прокси (имеем в виду курдских союзников США) замедлили процесс вывода американского контингента из Сирии (а внутриполитическая динамика развернула его вспять). Все это добавляет аргументов в пользу того, чтобы американцы сохраняли, по их убеждению, контроль над ситуацией в Сирии, несмотря на постоянное давление и обвинения со стороны официального Дамаска и его союзников в незаконной оккупации сирийских территорий.

С приходом администрации Дж. Байдена в 2021 г., как и предполагалось, Сирия не вошла в список приоритетов США, несмотря на то, что союзники по «Глобальной коалиции» продолжают получать поддержку американцев. Однако влияние на ситуацию в Сирии может оказать политика Вашингтона, что действительно значимо в отношении Ирана и его «ядерной программы». В случае если Вашингтон, Тегеран и другие участники по Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД) найдут пути взаимодействия и это принесет ощутимый результат, сирийский вопрос обретет новую динамику. Проблема еще и в том, что милитаризация Ирана и его «ядерная» программа – приоритет не только для США, но и для американских союзников и региональных держав, таких как Саудовская Аравия и Израиль. Во многом ими приветствовалась политика «максимального давления» Д. Трампа, и региональные силы своими действиями старались не допустить скорого согласования

и разрешения проблем между Вашингтоном и Тегераном при Дж. Байдене.

Активизация российской политики на Ближнем Востоке в 2015–2016 гг. в итоге оформилась в сбалансированный и внеблоковый подход к выстраиванию двусторонней повестки и поддержанию рабочих отношений со всеми ближневосточными государствами. Несмотря на определенную эффективность такого подхода, его основным слабым местом является зависимость от региональной динамики – приходится учитывать мнения слишком многих игроков. В этом плане предложенная Россией «Концепция по коллективной безопасности в регионе Персидского залива», как и стремление согласно заявлению министра иностранных дел России С. В. Лаврова во время его визита на Кипр «находить компромиссы и балансы интересов» [31] в Восточном Средиземноморье опирается в вопросы восприятия угроз безопасности и решения региональных держав.

Конфликты в Восточном Средиземноморье (в Сирии и Ливии) обладали несколькими уровнями (локальным, региональным, международным), но скорее испытывали серьезное (и, вероятно, оно было наиболее значительным) влияние политики региональных держав. Зачастую линии пролегали между Турцией, Катаром и Ассоциацией «Братья-мусульмане» (запрещена в РФ), с одной стороны, и ОАЭ, Саудовской Аравией, Египтом, с другой. Ситуация в Сирии и Ливане, как и в Ираке, и Йемене, оказалась дополнительным полем соперничества Саудовской Аравии и Ирана. Причем тактические альянсы могли меняться в зависимости от новых вводных. Таким образом, «региональный порядок не является ни анархическим, ни иерархическим, а является таким, при котором восприятие угроз и региональные коалиции быстро меняются, а разные акторы занимают разные рейтинговые позиции в зависимости от исследуемого вопроса» [30, р. 108].

В 2019–2020 гг. отмечалась резкая активизация Турции в Восточном Средиземноморье, вызвавшая недовольство соседних государств, особенно после подписания ряда соглашений между Анкарой и Правительством национального согласия Ливии, включая соглашение о разделе морских границ. Непосредственно в рамках морской стратегии появилась доктрина «Голубой родины» (Mavi Vatan), обозначающая Средиземноморье зоной исторических интересов Турции. Такая турецкая политика вызывала резкую реакцию других средиземноморских держав.

В этом плане стоит отметить, что многое для Турции связано с ее способностью к деэскалации и подключению к региональным проектам, что требует принятия других региональных и присутствующих в регионе глобальных сил. Намечавшееся в конце 2020 г. снижение напряженности в Заливе между Катаром и другими монархиями

Залива могло позитивно отразиться и на процессе восстановления отношений между двумя крупными восточно-средиземноморскими силами – Турцией и Египтом, с которым во многом связано возвращение арабского голоса в региональных делах. Стороны со временем смогли преодолеть негативную динамику двусторонних отношений и объявили в 2023 г. о нормализации отношений.

Влиявший на подкомплекс РБ Восточного Средиземноморья и лежавший исторически в его основе арабо-израильский конфликт со временем стал палестино-израильским. Это резко изменило региональную конфигурацию, поскольку палестино-израильский вопрос сам по себе может считаться второстепенным. Запущенная в 2020 г. администрацией президента США Д. Трампа нормализация отношений между Израилем и рядом арабских государств в рамках «Соглашений Авраама», в первую очередь ОАЭ, обозначила переход к новому этапу в вопросах формирования тактических альянсов и безопасности в регионе. Однако несмотря на стремление американцев игнорировать палестинцев, только ОАЭ и Бахрейн подписали данные соглашения. Саудовская Аравия и ряд других арабских государств сохранили свои позиции в рамках «Арабской мирной инициативы», не говоря уже о мнении арабских масс во всех арабских странах о несправедливости в отношении Палестины, что также осложняет ситуацию для этой американской политики. Другим эффектом для Восточного Средиземноморья в контексте нормализации эмирата-израильских отношений можно назвать расширение и усиление границ активизации турецкой политики в мезорегионе.

Администрация Дж. Байдена решила сделать ставку на ограниченное вмешательство в дела региона, по сути идти по имевшейся «колее». Риторика демократических ценностей и прав человека администрации Дж. Байдена не воспринимается лидерами арабских государств. К 2023 г. США еще сохраняют свои интересы в части поддержки Израиля, но в целом американцы потеряли доверие региональных держав.

Все это выводит на первый план вопрос о возможностях региональной интеграции, появления зачатков системы коллективной безопасности в субрегионе Восточного Средиземноморья и роли глобальных игроков. Согласно докладу RAND Corporation от 2021 г., «Россия, Китай и США заинтересованы в экономическом росте региона, сокращении терроризма и нераспространении ядерного оружия, предлагая возможности для сотрудничества» [32, р. 129]. В другом докладе, посвященном странам Леванта, аналитики RAND пошли дальше, отметив, что «экономическая интеграция в Леванте может увеличить средний валовой внутренний продукт левантских стран на 3–7 процентов» [33, р. 7]. Несмотря

на разные позиции, Россия и США в 2010-е гг. были заинтересованы в безопасности в Восточном Средиземноморье. Обе стороны негласно поделили ответственность за борьбу с терроризмом в 2010-е гг., что позволило им не отвлекать еще большие собственные ресурсы на борьбу с тем же ИГИЛ, также они смогли выработать механизм деконфликтинга по Сирии. Тем не менее кооперативный подход, очевидно, проиграл конфронтационному.

В этих условиях происходит изменение КРБ в части усиления других глобальных акторов, очередного цикла смены альянсов и коалиций для региональных держав. Администрация Дж. Байдена решила вписать свою «арабскую» политику в политику «Индо-тихоокеанскую». Для Вашингтона союз Индии с арабскими странами от Восточного Средиземноморья до Персидского залива под покровительством США – это выход в части сдерживания растущей роли Китая. Китай – все более приемлемый для стран региона партнер, поскольку занимает лидирующие позиции в торговле и инвестициях (особенно в инфраструктуру). Пекин явно готов играть роль «честного посредника», что отразилось в его усилиях по нормализации саудовско-иранских отношений в 2023 г. Однако это скорее отражает не столько позиции Китая как усиливающейся глобальной державы в регионе, сколько поразительное падение доверия в регионе к Америке. Именно поэтому США не были способны заставить региональные державы поддержать политику Вашингтона в отношении Москвы, равно как и существуют сомнения в том, что им удастся использовать региональные державы и Индию в своих планах по сдерживанию Китая.

Восточное Средиземноморье как подкомплекс регионального комплекса безопасности Ближнего Востока сохраняет свое стратегическое значение для глобальных и региональных игроков. Проникновение глобальных сил в регион влияло на региональные паттерны и формирование тактических альянсов. Однако внешние силы все более дистанцируются, с одной стороны, ввиду переосмысления, а также стремления к переориентации (reorientation/rebalancing) своего внешнеполитического курса в другие регионы, а с другой, их действия ограничивают региональные державы. Самим же региональным державам еще только предстоит доказать, что они способны на разрешение проблемных вопросов и поиск компромиссов без внешнего участия. Только такой региональный и здоровый ответ на существующие кризисы может образовать новые паттерны в формировании системы безопасности региона.

Для России Восточное Средиземноморье и военное присутствие в Сирии важно с точки зрения безопасности. Доктринально же политика в Восточном Средиземноморье исходит

из угроз, которые несет враждебная военная инфраструктура. Таким образом, сам регион скорее инструментализован. Дальнейший курс Москвы будет определяться стремлением участвовать в региональных делах, но не председательствовать и доминировать в них (с сохранением военного присутствия в Сирии), развивать экономическое взаимодействие. В свою очередь, схожие факторы характерны для США, которые стремятся покинуть зоны конфликтов (в Ираке и Сирии), но вынуждены ввиду желания доминировать в мировом океане, борьбы с терроризмом, значимости Израиля и других факторов сохранять свои уже не столь прочные позиции.

Региональная динамика вокруг энергетических проектов, как и новые вводные в форме арабо-израильской нормализации, могут внести вклад в создание элементов блокового подхода к безопасности. Укрепление блокового подхода связано с потенциальной эскалацией застарелых конфликтов. Несмотря на желание прекратить участие в региональных конфликтах и выйти из них, и у России, и у США остаются интересы, которые будут требовать их, пусть и ограниченного, присутствия. Несмотря на имевшийся в 2010-е гг. интерес Москвы и Вашингтона к возможностям прагматичного сотрудничества по вопросу борьбы с терроризмом, ядерного нераспространения, другим региональным темам, конфронтационные и даже враждебные действия и риторика сохраняются. Региональная динамика стала меняться и в связи с деятельностью нового поколения лидеров в государствах Залива, растущей ролью Китая, трансформацией мирового порядка в целом. В случае если напряженность между Ираном и Саудовской Аравией войдет в ремиссию, это может послужить формированию новой особой системы региональной безопасности и позитивно скажется на Восточном Средиземноморье. В условиях меняющегося регионального порядка роль региональных сил в регионе неизбежно будет расти.

Список литературы

1. Гудев П. А., Ибрагимов И. Э., Квашин Ю. Д., Самарская Л. М., Свистунова И. А., Сурков Н. Ю., Тимофеев П. П. Восточное Средиземноморье в поисках нового баланса интересов // *Международные процессы*. 2021. Т. 19, № 3 (66). С. 104–122. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.3.66.7>
2. Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Society*. Cambridge, United Kingdom : The Press Syndicate of the University of Cambridge, 2003. 564 p.
3. Лицарева Е. Ю., Сушков В. В. Комплекс субрегиональной безопасности в Северо-Восточной Африке с середины XX в. до XXI в. // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки*. 2018. Т. 13, № 1 (173). С. 80–88.
4. Лукин А. Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // *Научно-теоретический журнал «Ойкумена»*. 2011. № 2 (17). С. 7–19.
5. Schmidt S. The Middle East Regional Security Complex and the Syrian civil war // *The War for Syria* / ed. by R. Hinnebusch. London : Routledge, 2019. P. 17–36.
6. Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // *Сравнительная политика*. 2012. № 2. С. 30–58.
7. Jarzqbek J. *The Theory of Regional Security Complexes in the Middle Eastern Dimension* // *Wschodnioznawstwo*. 2018. Iss. 12. P. 160–161.
8. Koch B., Stivachtis Y. *Regional Security in the Middle East: Sectors, Variables and Issues*. Bristol: E-International Relations, 2019. 242 p.
9. *Russia in the Middle East and North Africa Continuity and Change* / eds. C. Lovotti, E. Ambrosetti, C. Hartwell, A. Chmielewska. London : Routledge, 2020. 198 p.
10. Морская доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 26.07.2015). URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjft5SyrIZUVTJan77L.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).
11. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201707200015.pdf> (дата обращения: 19.11.2021).
12. Krylov A., Shuminov N. The Marine Strategy of Russia in the Middle East // *Comparative Politics Russia*. 2021. Vol. 12 (1). P. 82–88. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10007>
13. Малышева Д. Б. Россия в Средиземноморье: геополитика и современные интересы // *Международная жизнь*. 2015. № 11. С. 111–123.
14. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: http://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 30.05.2023).
15. Истомин И. А., Болгова И. В., Сушенцов А. А., Ребро О. Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 1. С. 26–34. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-26-34>
16. Чихарев И. А., Ярмак О. В. Большое Средиземноморье в дискурсе исследовательских и экспертно-аналитических центров // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2019. Т. 21, № 1. С. 99–109. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-99-109>
17. Lesser I. O. *The United States and the Future of Mediterranean Security: Reflections from GMF's Mediterranean Strategy Group*. German Marshall Fund of the United States, 2015. 8 p.
18. 1102 – Eastern Mediterranean Security and Energy Partnership Act of 2019 // 116th Congress, 1st Session. 2019. P. 42. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1102/text> (дата обращения: 17.12.2021).
19. *A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower: The U. S. Navy, Marine Corps and Coast Guard*. 2015.

- Р. 48. URL: <https://news.usni.org/2015/03/13/document-u-s-cooperative-strategy-for-21st-century-seapower-2015-revision> (дата обращения: 18.12.2021).
20. Conway J., Routhead G., Allen T. A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower // *Naval War College Review*. 2008. Vol. 61 (1). P. 8–19.
21. Тебин П. Ю. Проблема обеспечения господства на море в современной военно-морской стратегии США // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2011. № 1. С. 163–173.
22. Advantage at Sea. Prevailing with Integrated All-Domain Naval Power: The U. S. Navy, Marine Corps and Coast Guard. 2020. P. 5. URL: <https://media.defense.gov/2020/Dec/17/2002553481/-1/-1/0/TRISERVICESTRATEGY.PDF/TRISERVICESTRATEGY.PDF> (дата обращения: 22.12.2021).
23. Flanagan S., Binnendijk A., Chindea I., Costello K., Kirkwood G., Massicot D., Reach C. *Russia, NATO and Black Sea Security* : RAND Corporation, 2020. 195 p.
24. Гудев П. А. Новые риски и угрозы безопасности России в Азово-Черноморском регионе // *Пути к миру и безопасности*. 2017. № 2 (53). С. 37–45. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2017-2-37-45>
25. Ходынская-Голенищева М. С. Россия на Ближнем Востоке: о пользе внеблоковой вовлеченности // *Russia in Global Affairs*. 2019. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/svoboda-manevra/> (дата обращения: 25.12.2021).
26. Меморандум о создании зон деэскалации на территории Сирийской Арабской Республики (САР).
- МИД РФ. 2017. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOWMERCf/content/id/2746041 (дата обращения: 26.12.2021).
27. Аганин А. Р. «Племенная дипломатия»: сирийский опыт // *Дипломатическая служба*. 2020. № 3. С. 50–56. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2003-07>
28. Безруков А. Э. Стратегия США в Сирии: процесс принятия решений // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2016. № 9 (3). С. 18–37.
29. Lund A. *How Assad's Enemies Gave Up on the Syrian Opposition*: The Century Foundation. 2017. URL: <https://tcf.org/content/report/assads-enemies-gave-syrian-opposition/?session=1> (дата обращения: 10.01.2022).
30. Santini R. A New Regional Cold War in the Middle East and North Africa: Regional Security Complex Theory Revisited // *The International Spectator*. 2017. Vol. 52 (4). P. 93–111. <https://doi.org/10.1080/03932729.2017.1371487/>
31. Итоги визита Сергея Лаврова на Кипр // *Кипрский деловой журнал «Успешный бизнес»*. 2020. URL: <https://sb-cyprus.com/index.php/articles/5326-itogi-vizita-sergeya-lavrova-na-kipr> (дата обращения: 14.02.2022).
32. Kaye D., Robinson L., Martini J., Vest N., Rhoades A. *Reimagining U. S. Strategy in the Middle East. Objective Analysis. Effective Solutions*. Santa Monica : RAND Corporation, 2021. 187 p.
33. Egel D., Parasilit A., Ries C., Wolker D. *Estimating the Economic Benefits of Levant Integration*. Santa Monica : RAND Corporation, 2019. 49 p.

Поступила в редакцию 23.05.2023; одобрена после рецензирования 02.06.2023; принята к публикации 10.11.2023
The article was submitted 23.05.2023; approved after reviewing 02.06.2023; accepted for publication 10.11.2023